

Гарри уже пролил несколько слез за сегодняшний вечер, но теперь он начал плакать по-настоящему. Это было похоже на отказ со стороны его родителей и крестного, с чем Гарри никак не мог смириться. 'Какая жизнь, мама? Ты говоришь, что наблюдала за мной? Тогда вы с папой должны знать, каково мне там. У меня нет никакой жизни! Он пытался сдержать слезы и объяснить. «Когда мне было лет шесть, я однажды увидел старый черно-белый фильм, в котором была одна из самых печальных вещей, которые я когда-либо видел. Бедную маленькую обезьянку держали на цепи, заставляли носить нелепый костюм и танцевать при каждом повороте ручки органодробилки. Единственной функцией бедного животного в жизни было танцевать на заказ на потеху публике. Это было грустно и жестоко, но все только смеялись, хлопая в такт музыке».

Гарри попытался вытереть слезы и посмотрел на родителей, прежде чем продолжить. «Это навсегда запомнилось мне, и знаешь почему? Потому что я чувствую себя точно так же, как та обезьяна! До Хогвартса меня запирали в чулане, выпускали, чтобы я делал то, что хотели Дурсли, а потом бросали обратно». Лили теперь плакала вместе с сыном, а его отец и Сириус просто смотрели на него убийственным взглядом. Джеймс никогда не ненавидел никого настолько, чтобы применить к нему проклятие Круциатуса, но он без проблем наложил бы его на своего тучного зятя за то, как тот обращался с его сыном.

* * *

Поддержка, которую Гарри чувствовал сейчас, подстегивала его. Для Гарри это была столь необходимая возможность свободно поговорить о своей жизни с людьми, которые любили его безоговорочно, и он ухватился за нее обеими руками. 'Когда я попал в Хогвартс, мелодия могла быть другой, но ручка все еще была повернута. Цепи все еще были на месте, и от меня ждали выступлений перед требовательной аудиторией. Спасать магические камни, истреблять василисков, сражаться с дементорами и участвовать в смертельно опасных соревнованиях, о которых я ничего не знал. В этом году Министерство решило принять в них участие, и меня подвергли испытаниям и пыткам, потому что я отказался плясать под их дудку. Что ж, им всем придется найти себе нового исполнителя, потому что эта обезьяна больше не танцует!

Гарри снова всхлипнул, когда мать обняла его, а отец начал гладить по спине, и это было так приятно, что Гарри начал успокаиваться. Однако он не изменил своего решения, наоборот, теперь он был настроен как никогда решительно, чтобы остаться. Глядя на маму, папу и крестного, которые утешали его, Гарри вскоре снова заговорил. Все, чего я когда-либо хотел, находится здесь, все, что мне когда-либо было нужно. Как ты можешь просить меня отказаться от этого?

Джеймс пытался утешить сына. Гарри, никто не просит тебя отказаться от этого. Мы всегда будем с тобой и будем ждать тебя здесь, когда придет время возвращаться. Если на это уйдет сто лет, мы все равно будем здесь, просто я надеюсь, что ты заставишь нас ждать дольше».

Лили чувствовала, что она усугубляет бремя своего сына, но он имел право знать. Слишком много людей причинили боль ее мальчику, не сказав ему того, что он должен был знать. Гарри, это пророчество касалось тебя и Волан-де-Морта. На самом деле, ты единственный, кто может его убить. Вот почему Смерть готова взять эту часть Волан-де-Морта в качестве платы за то, чтобы позволить тебе вернуться, он надеется, что ты сможешь отправить сюда его остальную

часть». Волан-де-Морт обманул Смерть, а Смерти это не нравится».

Для Гарри это было много информации, но он заметил изъян в рассуждениях матери. «Разве я не обману смерть, если вернусь? Разве это не сделает меня таким же плохим, как Волан-де-Морт?

Джеймс взъерошил волосы сына. Он с нежностью вспоминал, как его отец делал это с ним, но умер, так и не успев повторить этот жест с собственным сыном. 'Нет, Гарри, Волан-де-Морт не просто хочет править миром, он хочет стать бессмертным и править им вечно. Смерть готова нарушить все правила, лишь бы этого не случилось. Это вторая часть души Волан-де-Морта, которую ты ему отдал. Да, ты можешь быть еще жив, но однажды ты умрешь. Надеюсь, мирно, в постели от старости, в окружении правнуков».

Гарри посмотрел на своего крестного, ожидая услышать его мнение. Сириус не заставил себя долго ждать. 'Гарри, два года назад я был готов встретить смерть лицом к лицу. Я был готов, как никто другой, пока ты и блистательная мисс Грейнджер не прилетели на гиппогрифе и не спасли меня. Ты можешь подумать, что все это было напрасно, ведь я все равно уже умер, но я не могу с тобой согласиться. За эти два года я успел познакомиться со своим крестником и его друзьями, и это время было для меня бесценным и дорогим. Даже зная то, что я знаю сейчас, я бы все равно залез на Бакбика и взял бы эти два года».

Сириус понимал нежелание Гарри. Даже в последние два года он беспомощно наблюдал, как Дамблдор, а теперь и Фадж боролись за контроль над его крестником. 'Гарри, я понимаю, к чему ты клонишь, но так не должно быть. Сейчас у тебя есть шанс разорвать эти цепи и плясать под свою дудку».

Гарри все еще не хотел уходить. «Есть ли способ узнать, что произойдет, если я не вернусь?

Джеймс, казалось, на мгновение устоял в пространстве, прежде чем ответить сыну. Гарри показалось, что его отец от кого-то получает информацию. 'Гарри, Волан-де-Морт был на пути в Министерство. Ему рассказали только часть пророчества, и он отчаянно хочет заполучить его целиком. Он встретит Беллатрису в атриуме, и ему будет уже все равно. Как только она скажет ему, что ты мертв, пророчество перестанет иметь для него значение. Он уйдет так, что никто его не увидит. После твоей смерти и отсутствия следов Волан-де-Морта деньги Малфоев снова будут держать Пожирателей смерти подальше от неприятностей. Тебя и Сириуса обвинят во всем, и Дамблдору снова придется спасаться бегством, пока наш мир погрузится во тьму».